

Когда-то все мужчины Ленинграда были влюблены в Эдиту Пьеху, а все женщины - в Станислава Пожлакова.

Песни Пожлакова пела вся страна: вслед за ним самим - «Ведь мы ребята, да-да, ведь мы ребята, да-да, семидесятой широты...», вслед за Хилем - «Осень, осень, вновь надоймой твое прозрачное крыло...», вслед за Сенчиной - «Ходит где-то по свету близкий мне человек...».

А потом эти две звезды разлетелись в разные стороны: она - вверх, к легендарной славе, он - в противоположном направлении.

И вдруг совсем недавно Эдита Станиславовна в очень личном интервью вспомнила о Пожлакове - с нежностью и сожалением.

...Станислав Иванович на интервью долго не соглашался: «Нет, нет, я тут приболел...». Наконец сдается.

- Станислав Иванович, если не секрет, сколько вам лет?

- Мы с Пьехой ровесники, только мой юбилей был немного раньше, в январе.

Пожлаков и Пьеха: тридцать лет назад.

Комм. - Правда - 1997. - Зима. - с. 6.

НОСТАЛЬГИЯ

Композитор **Станислав ПОЖЛАКОВ:**

Эдита - моя неспетая песня

- Когда вы с ней встретились, она была уже звезда, а вы - мало кому известный джазмен, саксофонист...

- Первый раз я встретился с ней на гастрольях, в Черновцах, нам было лет по 25. Я тогда из областной филармонии перешел в Ленконцерт, у меня был ансамблик. А Пьеха выступала с ансамблем «Дружба», который гремел со страшной силой. Я ее боялся и думать не смел, что когда-нибудь приближусь к ней. И вдруг там, в Черновцах, получаю от нее записочку. Ну вот, не хотел, а проговорился, как девочка...

- А что было в записочке?

- Умолчу. Хотя об этом она сама недавно рассказала публично. Был, мол, такой Слава Пожлаков, который играл на саксофоне и пел песни. Правда, тогда я еще ничего не пел, и город она перепутала. Но его признанием я был очень ошарашен и зауважал его со страшной силой.

- Любовь?

- Ну любовь. Но все равно, Эдита, как говорится, - неспетая песня моя.

- А как вы песни начали для нее писать?

- Когда мы с ней познакомились, у меня и мысли не было, что буду когда-нибудь песни писать. Самую первую мою песню исполнила Майя Кристалинская, и то совершенно случайно. Мы встретились в концерте, я в гримерке сидел, поигрывал на пианино: «Топ, топ, топают малыши...» Маечка мимо проходила: «Что играете?». «Да вот, - говорю, - написал для дома, для семьи - дочка у меня три месяца назад родилась, а я все время по гастрольям болтаюсь». «А вы можете мне эту песню отдать?»

Так и началось. Потом эта песенка стала шлягером. И я стал получать баснословные гонорары. Помню, на Новый год сидим с женой в дикой коммуналке, даже на шампанское денег нет. И вдруг звонок в дверь, почтальон. Протягивает мне перевод на четыре тысячи. Это когда инженер получал 120 рублей!

- Из-за одной-то песни?

- Тогда я уже написал вто-

рую - «Белым снегом замело, запуржило, занесло...». Она мне приснилась - и строчка эта, и музыка.

А Эдите впервые я осмелился предложить песню «Причал», в которой я ей вторым голосочком робко подпевал - на телевидении и радио. Это уже через несколько лет после Черновцов.

Потом, помню, как-то ночью на телевидении у меня была запись - мы писали с ансамблем песню «Ребята семидесятой широты». Иду по коридору, смотрю - Эдита навстречу. А я как раз из Москвы приехал, у меня набралось в голове всего... Роберт Рождественский - не мой поэт, но я вдруг нашел у него такую штуку! «Зачем снятся сны» называется.

Знаю, что Эдита не любит петь сразу, ей надо привыкнуть, разучить, но все равно говорю: «Дита, пожалуйста, пойдем, я тебе покажу песенку, там и петь-то нечего». И мы сразу спели: «...Снилось, что та, другая, тебя у метро ждала». Эдита песню на Кубу отвезла, звонит потом: «Слава, ты себе не представляешь, кубинцы выходили с концерта и пели: «Ту-уу, ду-ду-ду-ду-ду»...

- С тех пор больше с Эдитой не работали?

- Эпизодически. Как-то принес две песенки на кассете, предложил для ее внучки. Она одну взяла, внучка пела ее на концертах несколько лет назад.

- А с Александром Броневичким вы как познакомились?

- В Черновцах идем мы с Эдитой в обнимку - с реки, в шесть утра. А на балконе гостиницы стоит Броня и смотрит на нас... Так и познакомились. Он грозился застрелить меня из пистолета, хотя нет, пистолетов тогда не было, наверно, все-таки из охотничьего ружья. Но я пришел к нему и сказал: «Саша, мне Эдита нравится во как, но я тебя слишком уважаю». Саша был талантливейшим музыкантом. Что, впрочем, не мешало ему быть очень грубым человеком. Он Эдиту иногда даже, скажем так... обижал.

Помню, отмечали старый Новый год в Союзе композиторов. Пьеха с Броневичким, я со своей женой, с которой уже разводился. Танцуем мы с Эдитой, вокруг элита стоит - Андрей Петров, Эшпай из Москвы приехал, и все восхищаются: «Вот это пара!». Эдита мне и говорит: «Давай вместе уйдем отсюда!».

- Ну и ушли бы!

- И что бы было? Двум плюсам или даже минусам рядом находиться невозможно. Ей надо будет, чтобы я ей уступал, мне - чтобы она...

- А вы слишком расчетливы!

- Ни в коем разе! Иначе остался бы я в свои шестьдесят с круглым нулем? Иногда думаю: ну что же ты, дурак? Такая женщина! Но если честно, я ее боялся. Если Броневичкий с его колоссальной энергией и волей не вынес...

- Вашу последнюю встречу с Пьехой помните?

- В «Октябрьском» она отмечала какой-то юбилей, полтинник, кажется. Помню, купил ей три розочки и, пока сидел - а я любитель подумать, - эти розочки у меня завяли, свесили головы... А ей на сцену несли необъятные букеты, корзины с розами. И тут выхожу я с этими розочками. Она мне сказала: «Да-а, такой букет я получаю впервые...»

- А сейчас пишете песни?

- Во-первых, я написал не только песни, но две программы мюзик-холла, музыку к двадцати фильмам, мюзикл «Сирано де Бержерак». Сейчас меня пригласили русские эмигранты в Америку. Так и сказали: пусть приедет Пожлаков и три певицы с его песнями. А недавно я записал шестнадцать старых своих песен на компакт-диск.

- Глядя на Эдиту, проецируете ее судьбу на себя: мол, и я мог бы так же?

- Возможно. Это все тонкая материя. Дурь моей жизни в том, что я с шестнадцати лет любил выпивать. Другое дело, в молодости это было незаметно. Се ля ви...

Татьяна МАКСИМОВА.
Санкт-Петербург.